

8
7-58

П.ТОПЕР

Р

ади

жизни

на

земле

8
7-58

П.ТОПЕР

Р
ади —
жизни
на —
земле

а-67665

Литература
и война
Традиции.
Решения.
Герои

Издание третье, дополненное

МОСКВА
СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
1985

а-67665
а-67665
а-67665

своей книги из метафизической абстракции на землю реальных поступков: «...для меня Сотников — герой. Да, он не разгромил врага, но он оставался человеком в самой бесчеловеческой ситуации. Как подвиг выглядит его стойкость и в глазах тех нескольких десятков людей, которые явились свидетелями его последних минут и на чьих глазах искал свой путь к спасению жизни Рыбак. Вряд ли у них могло появиться какое-либо оправдание этого пути, как не появилось оно даже у того, кто его выбрал, — у самого Рыбака»¹. И гибель Сотникова оказывается не беспцельным экзистенциалистским «трагическим жестом», не самоутверждением, а сознательным, максимально возможным в тех условиях, в которых он оказался, активным действием.

* * *

В. Астафьев уже не раз писал о событиях военных лет — и в «Звездопаде» (1962), и в повести «Где-то гремит война» (1966, включена позднее в автобиографическое повествование «Последний поклон»), которая, хотя действие ее происходит далеко от фронта, насыщена той же проблематикой, и во многих рассказах. Эти рассказы, появившиеся в шестидесятые годы, рисовали войну чаще всего в воспоминаниях, связывавших день нынешний и день минувший. Повесть «Пастух и пастушка» (1970) тоже начинается и заканчивается сегодняшним днем, и первые ее строки звучат так, как будто продолжается давно начатый рассказ о чем-то нам хорошо известном: «И брела она по дикому полю, непаханому, нехоженному, косы не знавшему. В сандалии ее сыпались семена трав, и колючки цеплялись за пальто старомодного покроя, отделанного сереньким мехом на рукавах»².

Женщина, не названная по имени, никак нам писателем не представленная и не объясненная, идет в слезах к долго разыскиваемой ею могиле: «Ветер шевелил полынь на могиле, вытеребливал пух из шишечек татарника. Сыпучие семена чернобыла, замершая сухая трава лежали в бурых щелях старчески потрескавшейся земли. Пепельным тленом отливала предзимняя степь, и угрюмо нависал над нею древний хребет, устало и глубоко вдавившийся грудью в

¹ «Литературная газета», 1973, 14 февраля, с. 2.

² В. Астафьев. Повести о моем современнике. М., 1972, с. 559. Далее страницы указываются в тексте.

равнину, да бельма солончаков отблескивали все так же холодно и немо» (560).

Мы еще не знаем повести, но горестная тональность ее нам уже дана, и, неизвестно почему, сердце уже сжимается в предчувствии чего-то непоправимо страшного. Сила большого искусства такова, что в этом коротком прологе, где еще ничего, в сущности говоря, не сказано, уже как бы сказано все. Впрочем, здесь действует и другой закон: в некотором смысле можно утверждать, что нам уже известно это «все», ибо мы знаем — хотя и об этом еще не сказано, — что речь идет о могиле погибшего воина, и нам не надо сегодня других объяснений для того, чтобы понять эту скорбную ноту.

Может быть, не было в нашей литературе такого страшного изображения войны, как в этой повести Астафьева. Дело не в смертях и страданиях самих по себе, не в том, что поле боя предстает перед нами в виде месива из кусков человеческих тел и пропитанного кровью снега, а командуемый фронтом едет в санках, полозья которых подпрыгивают на замерзших трупах. «Жесткая» манера письма вовсе не обязательно передает подлинный трагизм войны. В повести «Пастух и пастушка» нас окружает предельно уплотненная, туго сжатая атмосфера трагедии. Война предстает как стихия, враждебная жизни, образы битвы включают в себя не только «реквизит» войны, но и природу, самое землю: «Просекая тучи снега и тьму, мелькали вспышки орудий, и под ногами невидимая качалась и дрожала земля. Орудийный гул опрокинул земную тишину, ударил землю под самый дых, и она растревоженно шевелилась вместе со снегом, с людьми, приникшими к ней грудью» (560). Так начинается первая часть — «Бой». Образ матери-земли, то израненной, страдающей, то залечивающей свои раны, пройдет через всю книгу.

В повести нет героя-рассказчика, она написана «объективно». И в то же время во всех описаниях сильнейшим образом чувствуется личный элемент, субъективное отношение того, кто видит и слышит все, что происходит на страницах книги. Формально говоря, им могла бы быть Люся, героиня повести, — это о ней идет речь в прологе, который кончается словами: «Думала. Вспоминала». Но это, конечно, условность; Люсины воспоминания не могли бы охватить всю описанную в повести войну и жизнь Бориса, только кусочек которой она видела. Скорей, этот «вспоминатель» — сам автор, точнее говоря, «человек просто», со-

временник войны, ее участник, тот, кто противостоял ее всесокрушающей силе. Это он называет Бориса Костяева то «взводный», то «лейтенант», то «высушенный, как вобла, лейтенантишко», с той иронией, которая дается дистанцией. Это он видит поле сражения: «Ракеты, много ракет взмывало в небо. И в их коротком, полощущем свете отрывками, проблесками возникали лоскутья боя. Снеговая пороша в свете делалась черной, как порох, и пахла порохом. Секло лицо, забивало дыхание» (562). Или слышит, как идут в атаку танки и кавалерия: «Закружило, завертело на поле. Снег запылил, поднялся. Дымно от танков было. Топот коней, рокот танков, людские вопли доносило до хутора. Пехотинцы сначала кричали, ярились, даже рвались к оврагам, но унялись и они» (597).

Несмотря на скудость конкретных указаний, мы могли бы достаточно точно восстановить картину боя, описанного в первой части повести. Действие происходит в начале 1944 года; судя по всему, речь идет об уничтожении корсунь-шевченковской группировки гитлеровцев, командование которой, «как и под Сталинградом, отказалось принять ультиматум о безоговорочной капитуляции» (560). Взвод лейтенанта Бориса Костяева оказался на острие прорыва немецких войск. Половина его была смята, но взвод выстоял, и множество немецких солдат и четыре вражеских танка остались на его позициях. Наутро остаткам взвода пришлось принимать участие в добивании бешено сопротивлявшихся немцев, что уже не составляло такой трудности, как бой накануне, но было страшно бессмысленностью массовой гибели, на которую обрекли немецких солдат приказы гитлеровского командования.

Однако, идя по пути воссоздания конкретной военной ситуации, мы ушли бы в сторону от замысла писателя. Для него важнее было создать обобщенную картину боя, написать этот бой так, чтобы заставить нас почувствовать: «Казалось, вся война была сейчас здесь, в этом месте, кипела в растоптанной яме траншеи, исходя удушливым дымом, ревом, визгом осколков, звериным рычанием людей» (564). «Быт» в повести сжат, сдвинут, символизирован. О стремлении к «притчевости» говорит и композиция повести, состоящей из пролога, четырех частей (названных «Бой», «Свидание», «Прощание», «Успение») и эпилога, и вся ее образная система. Из взвода лейтенанта Костяева мы знакомимся только с несколькими людьми. О других солдатах говорится «в общем», и сюжетной роли они не играют:

«Стрелковый полк не отводили на переформировку, его по-полняли на ходу, и Борис, теряя людей, не успевая к иным солдатам даже и привыкнуть, топал и топал вперед со своим взводом и с удивлением узнал однажды, что протопал уже старую границу» (644).

Сам лейтенант Костяев, который после боя продолжает «топать» на запад, остается, вопреки правдоподобию, все тем же «лейтенантишкой» и «взводным», хотя в книге и говорится дважды, что он был назначен командиром роты. Да и батальонный командир Филькин, хотя про него и сказано, что он «успешно продвигается в чинах и должностях в силу энергичного характера» (572), тоже за все время не меняется — ни разу не повышен в должности, не ранен, не убит; он и зовется в повести «неистребимый комбат Филькин» (651).

Борис Костяев молодого солдата Шкалика жалеет, к пожилому горожанину Ланцову относится сочувственно, в кумовьях-алтайцах Карышеве и Малышеве, по-крестьянски основательных, «души не чает»; отношения его с помкомвзвода Мохнаковым много сложнее. Мохнаков — старшина, и если вспомнить другие книги последних лет, можно ясно представить себе, что это звание он носит не случайно. Именно старшины стали все чаще воплощать в себе на страницах романов и повестей военную опытность и сноровку. Внешне таков и Мохнаков — сибиряк, человек крепкой хватки, прошедший всю войну. «Начавши отступление с границы, старшина не однажды валялся в госпиталях, знал и голод, и холод, и окружение, и прорывы, но в плен не угодил. Везло, говорит, и, наверное, оттого везло, что придерживался он старинного правила русских воинов — лучше смерть, чем неволя» (610). Костяев дивится его «собранности», «жесткому и верному расчету». В бою они сражаются бок о бок, и более опытный и сильный Мохнаков помогает молодому лейтенанту и спасает его. Но после боя выясняется, что они совсем разные люди и столкновение между ними неизбежно.

Старшина, как говорит нам автор, «вжился в войну, привык к ней» (610). Это значит, что ее противоестественные в основе своей законы — разрушение, уничтожение, человекоубийство — стали его натурой. Старшина на бесчеловечие врага отвечает бесчеловечием; он может быть груб и безжалостен, может мародерствовать. Душа его выжжена, но правильно будет сказать, что выжжена она не ненавистью к завоевателям, а самим военным ремеслом. Насилие над че-

ловеком, по его мнению, не преступление на войне, где «столько поубито, сведено народу». «...я всего навидался, истратился,— говорит он в ключевом разговоре с лейтенантом Костяевым.— Не жаль мне никого. Меня бы палачом над немецкими преступниками. Я бы их!..» (609). Люся ему кажется позволенной добычей не потому, что она слаба, а потому, что он не верит в чистоту ее помыслов. И лейтенант Костяев, защитивший Люсю от него, кажется ему «питерским семинаристом» (609), непонятно как выросшим в Сибири.

Мохнаков — не единственный в советской литературе последнего времени образ человека, на котором война оставила свой неизгладимый след («несводимый знак», пользуясь выражением Асеева). Мы могли бы сопоставить его хотя бы с солдатом Рубиным из «Горячего снега» Бондарева, тоже ожесточенным циником, ставшим таким на войне. Но «выжженная душа» Рубина — следствие пережитой им трагедии — гибели от рук захватчика всей его семьи. В цинизме Мохнакова не видно какой-либо реальной мотивировки, кроме «вживания в войну». И не Мохнаков, который в бою «бросает через себя голодных и тощих немцев» (562), воплощает для автора несокрушимую солдатскую силу. Скорее мы можем сказать это о Карышеве и Малышеве, которые «воевали как работали: без суеты и злобы. Воевали по необходимости, да основательно» (580). И хотя именно в связи с Мохнаковым произнесены слова «русский воин», больше подходят они к кумовьям-алтайцам.

Сам лейтенант Борис Костяев, вокруг судьбы которого строится повествование,— еще один образ в ряду уже привычных для нас героев книг о войне: юноша, шагнувший из родительского дома, сразу после школьной скамьи, в действительность фронтовой жизни. Как и на героев других книг, на него легла непомерная тяжесть лишений и трудностей, опасности и смерти, ответственности за людей, жизнь которых зависела порой от одного его слова. Как и герои других книг, Костяев в свои девятнадцать лет храбрый и опытный воин. Правда, свидетельством его опытности становятся прежде всего его ордена и медали, его гвардейское звание; мы же на страницах повести видим его больше храбрым, чем опытным. С той же решимостью, с какой Борис Костяев самоотверженно, хотя и неумело, кидал гранату в немецкий танк, он был готов пристрелить старшину Мохнакова, защищая от него Люсю, и старшина не усомнился в том, что «лупоглазый Боречка» выполнит свою угрозу.

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ . . .	11
ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКОВ. О некоторых аспек- тах военной проблематики в литературе XIX века	
На рубеже веков	18
Ужас и неправда войны	63
Солдатские песни	94
НАРОДЫ — ЭТО МЫ. Литература о первой мировой войне	
Война и революция	112
Десять лет спустя	134
Спор о человеке	163
«Единственная великая война»	192
ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ. Литература о второй ми- ровой войне	
Память народов	223
Прошлое и будущее	283
Пропуск в историю	330
РАДИ ЖИЗНИ НА ЗЕМЛЕ. Советская литература о Великой Отечественной войне	
«О войне из войны»	360
Человек на войне	434
Бессмертие	523
НА ПОРОГЕ СОРОКАЛЕТИЯ	552
ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ	623
Именной указатель	636

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской областной
универсальной научной библиотеке им. Н. К. Крупской по адресу:
г. Оренбург, ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-48